

УДК 82.31
ББК 84.(7)
ИЗ2

*First published in the United States under the title:
THE BEGGAR KING AND THE SECRET OF HAPPINESS
Jack Riemer's piece on Itzhak Perlman first appeared
in the Houston Chronicle, February 10, 1001. Used
by permission.
Published by arrangement with Algonquin Books
of Chapel Hill, a division of Workman Publishing
Company, Inc., New York.*

Издательство Livebook глубоко признательно
Резо Габриадзе за иллюстрации
и Театру марионеток Резо Габриадзе
за помощь в подготовке книги к изданию.

Джозл бен Иззи

И 32 Царь-оборванец и секрет счастья / Пер. с англ.
Ш. Мартыновой. — Москва: Livebook, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-907056-23-7

Джозл бен Иззи — профессиональный артист разговорного жанра и преподаватель сторителлинга. Это он учил сотрудников компаний Facebook, YouTube, Hewlett-Packard и анимационной студии Pixar сказительству — красивому, связному и увлекательному изложению историй.

Джозл не сомневался, что нашел рецепт счастья — жена, чудесные сын и дочка, дело всей жизни... пока однажды не потерял самое ценное для человека его профессии — голос. С помощью своего учителя, бывшего артиста-рассказчика Ленни, он учится видеть всю свою жизнь и судьбу как неповторимую и поучительную историю. Через пять лет после роковой утраты Джозл бен Иззи записал первую в своей жизни историю о самом себе — «Царь-оборванец и секрет счастья», рассказ о том, как важно никогда не отчаиваться и помнить, что конец одной истории всегда может быть началом другой, новой.

Атмосферные иллюстрации к книге создал Резо Габриадзе, легендарный художник, режиссер и сценарист, обладатель премий «Ника», «Триумф» и «Золотая маска».

УДК 82.31
ББК 84.(7)

*Практически все имена собственные в этом издании приведены
в соответствии с современными произносительными
нормами английского языка.*

В оформлении обложки использовано изображение ©Matt Elliott/Shutterstock.com

Copyright © Joel ben Izzi, 2003
© Резо Габриадзе, иллюстрации, 2005
© Шаши Мартынова, перевод
на русский язык, 2005, 2019
© Livebook Publishing, оформление, 2019

ISBN 978-5-907056-23-7

Посвящается Тали

В мире историй ничего не потеряется.

—

ИСААК БАШЕВИС ЗИНГЕР

Пролог

Царь-оборванец

Расскажу я вам старую-стародавнюю историю, какая случилась в древнем граде Иерусалиме во дни, когда царствовал Соломон. Он достиг вершины своего могущества и мудростью своею был известен на весь мир. При нем наступил в Иерусалиме золотой век. И был Соломон счастливейшим из людей — и, глядишь, остался бы таким навеки, не приснишь царю странный сон.

Привиделось ему в одну из душных ночей, как двери в его покои распахнулись, и внутрь ворвался прохладный ветер. Мгновенье спустя вошел давно умерший отец его, царь Давид. И заговорил он со своим сыном из потустороннего мира, поведал ему о небесном граде Иерусалиме, равном земному во всем, но с одной лишь разницей — в сердце того города возвышается прекрасный храм.

— И ты, сын мой, должен воздвигнуть сей храм, — Давид описал сооружение во всех

подробностях, даже очертания и размеры каждого камня, а Соломон слушал, затаив дыхание. — И последнее, самое главное, — добавил отец Соломона, — ты должен построить его, не применяя металл, ибо металл потребен для оружейного дела войны, а этому быть храмом мира.

— Но, отец, — возразил Соломон, — как буду я тесать камни, не прибегая к металлу?

Не ответил ему отец, но внезапно исчез, и сон оборвался.

На следующее утро царь Соломон созвал своих советников, пересказал им странное видение и огласил замысел постройки храма в точности, как велел отец. И когда сказал им, что желает, чтобы тесали камни для строительства без помощи металла, они пришли в замешательство, как и он сам.

И лишь один, Беньямин, ближайший советник царя, предложил решение:

— Твой отец однажды говорил о крошечном черве, зовут его Шамир. Хотя и не больше он пшеничного зернышка, но болтают, будто этот червь способен прогрызть даже камень. Тот самый червь, какого Бог дал Моисею, он выточил в камне Десять Заповедей.

— И где же найти его? — спросил Соломон.

— Никто не видел его многие годы, о великий, — Беньямин примолк. — С тех самых пор, как он попал в руки Асмодея, повелителя демонов.

Свита Соломонова затихла: все знали о могуществе царя демонов. И один лишь Соломон не убоялся:

— Раз так, — сказал он, — я призову Асмодея! Соломон перевел взгляд с лиц своих уstraшенных подданных на кольцо, какое носил он на правой руке. Простое золотое кольцо, подаренное отцом и наделенное великой силой: на нем было начертано тайное имя Бога. Соломон прибегал к его помощи, когда призывал демонов, пусть и меньшей силы. Но никто никогда не призывал великого царя демонов, жившего на краю света, где возвышались медные горы, а небеса над ними висели свинцовые.

Повернул Соломон кольцо, придворные попятнулись. Внезапно перед тронем возник огненный шар, и, когда пламя погасло, явился всем Асмодей. Потрясенные стояли те, кто узрел его: пяти локтей в высоту был Асмодей, сияющая кожа его сверкала на солнце. Куриные ноги, голова ящера и лик осла.

— Ага! Уж не сам ли это царь Соломон? — проговорил он голосом столь же скользким, какой была шкура его. — Великий, премудрый и могучий! И при всем том недоволен он просторами царства своего, надо ему вторгаться и в пределы тьмы. Скажи же мне, о великий, зачем ты призвал меня?

— Желая получить червя Шамира, чтобы тесал он мне камни для моего храма.

— Всего-то? — спросил Асмодей. — Так вот он! — и показал царю свинцовый ларчик. — Но я требую, чтобы ты взамен освободил меня!

— Нет, — сказал Соломон, — пока нет. Я буду держать тебя в цепях еще семь лет, ибо столько

потребно мне, чтобы воздвигнуть храм, дабы не смог ни ты, ни другие демоны помешать мне. Дострою — и задам тебе один вопрос; и, только если ты ответишь мне, отпущу тебя.

— Вопрос от самого Соломона Мудрейшего? — насмешливо произнес Асмодей. — И что же это может быть?

— Я обдумую.

— Хорошо же, — ответил Асмодей, — я подожду.

Пока жил Асмодей во дворце, творилось там странное. Возвращался однажды Соломон с досмотра за работами во храме и увидел, что все колонны во дворце превратились в деревья, кроны усыпаны листвой и спелыми плодами — фигами, апельсинами и гранатами. В другой вечер из-под сводов дворца сыпались дождем золотые монеты, но стоило им коснуться пола, как они тотчас исчезали. По временам доносились сладкие звуки музыки, но прислушаешься к ним — сразу стихают. Асмодей был мастером наваждений, и наваждения эти находил Соломон чарующими — и возмутительными, ибо превосходили они его понимание мира. Всякий раз, когда Соломон обнаруживал, что его снова обвели вокруг пальца, ему казалось, будто в венце его недостает самоцвета. И через семь лет, когда вознесся храм — и безукоризнен он был в каждой мелочи, — обратился Соломон к Асмодею:

— Теперь, как и обещано было тебе, задам я один вопрос, и лишь после того, как ты отве-

тишь на него, — будешь свободен. Все эти годы наблюдал я за наваждениями твоими. Мне, великому судии, полагается различать правду и наваждение. Я спрашиваю тебя: чему ты можешь научить меня в искусстве наваждения?

При этих словах разразился Асмодей диким хохотом, и эхо раскатилось по всему Иерусалиму.

— «Наваждение»! — усмехался он. — Великий премудрый царь, которому только и дел, что мучить демонов, желает узнать о наваждении? Ну нет, о великий! Это немыслимо, невозможно... — и тут Асмодей умолк, и ухмылка перекосила его чешуйчатую морду. — Только если пожелаешь ты снять свое кольцо.

— Кольцо? — переспросил Соломон. — Снять? — Соломон глянул на кольцо, вспоминая слова отца: «Пока носишь его, ты защищен. Стоит снять его хоть на миг — и не предсказать, что может случиться».

И возвышался теперь над Соломоном сам Асмодей и насмехался над ним:

— Да, Соломон. Если желаешь постичь, что я знаю о наваждении, придется тебе снять кольцо.

— Об этом и речи быть не может! — отрезал Соломон.

— Пусть так. Но ни слова о наваждении ты никогда от меня не услышишь.

— Но тогда я не освобожу тебя!

— Пусть так. Время для меня ничего не значит — в отличие от царей, демоны живут

вечно. Я могу подождать, — он уселся на пол, гремя цепями, и принялся напевать что-то себе под нос.

Сгорая от любопытства услышать Асмодеев ответ, Соломон подумал-подумал и обратился наконец к своим советникам. Все в один голос заявили, что нет ничего хуже для Соломона, чем снять кольцо. Один осмелился даже сказать, что это будет не мудро.

— Не мудро! — воскликнул Соломон. — Ты осмеливаешься говорить мне, что мудро, а что — нет? Мне, великому царю Соломону, известному во всех краях своей мудростью!

Советники притихли, боясь гнева царя не менее, чем самого Асмодея. И все их советы уже были не нужны, ибо Соломон принял решение.

— Я сниму кольцо. Ровно на то время, пока будет звучать твой ответ.

Соломон велел поместить Асмодея в самый дальний угол дворца, окружить демона двадцатью четырьмя стражниками, а сам встал на другом конце.

— Итак, Соломон, — проговорил Асмодей, — снимай кольцо!

Медленно Соломон стянул кольцо с пальца. В первое мгновение ничего не происходило. А затем ветер пронесся по дворцу. Он усиливался, обернулся бурей. Смотрел Соломон и с ужасом видел, что вихрь порожден крыльями Асмодея, и всякий раз, когда взмахивал тот ими, удваивался он в размерах: десять локтей, двадцать, сорок — пока не занял собою все про-

странство до самого купола, разбив цепи и сме-
хом своим сокрушая оконные переплеты.

— Ты глупец, Соломон! Лучше бы ты не снимал кольца! — Асмодей протянул руку, и вырвал кольцо из рук Соломона, и швырнул его в самое крохотное окошко дворца. Кольцо проплыло в воздухе над Иерусалимом, над далекими холмами, над горами и океанами, и упало на самом дальнем краю земли. — А теперь, Соломон, твой черед! Прощайся со своим царством!

С этими словами Асмодей схватил царя за плечи и швырнул его в окно через весь дворец. Соломон летел над возлюбленным городом своим, над холмами, морями долгие-долгие часы, пока не приземлился в самом сердце бескрайней пустыни.

Там пролежал он сколько-то времени, и ныло у него в теле все, во рту пересохло. И вот встал Соломон и отправился куда глаза глядят, и шел, не разбирая дороги, пока не село солнце и не набрел он на озеро. Он склонился над водой, и от того, что он увидел, сковало его ужасом — увидел Соломон собственное отражение.

Исчез его венец — подарок тварей морских, украшенный всеми мыслимыми самоцветами. Великолепные одеяния, подаренные ему ветром, порваны в клочья, простое тряпье. Лик Соломона, прекраснейший во всем Иерусалиме, — как у изможденного старца.

И вот, потерянный и безвестный, начал Соломон свои скитания. И не вообразить ему было дороги, какую придется одолевать на пути

в возлюбленный Иерусалим. Та дорога поведет его далеко и затянется на целую жизнь...

Я не царь Соломон — и на мудрость его не тяну. Мое странствие — путь не царя, а мужа, отца и сказителя. Пусть так — и все же, подобно Соломону, в истории, которую часто рассказываю, меня занесло в такие края, о каких я и помыслить не мог, забросило в жизнь, которую я перестал понимать.

Странствия привели меня в мир историй. Там я узнал о проделках, какие вытворяют истории с нами, поднимаясь из глубин времени, как учат нас уму-разуму, направляют наш путь и даже, если позволить им, — исцеляют. Понял я, и как умеют они морочить нам головы, особенно когда кажется, что уже изучил их вдоль и поперек, как хитро прячут они свою правду на самом видном месте. Я натыкался на эти истины, усваивая те же уроки, что достались Соломону на его пути, — такие уроки, что можно извлечь только из потерь.

Поделюсь теми истинами, пока буду излагать вам свою историю, а история эта — чистая правда. Но прежде позвольте объяснить, что я подразумеваю под словом «правда». Этим словом я пользуюсь в том же смысле, что и все сказители — что и мой давний наставник Ленни. Он рассказал мне как-то удивительную историю о своем старом рыжем ретривере и о синем «Мустанге-Кабриолете» 1967 года. И я спросил у него, случилось ли все это по правде?

— По правде? — огрызнулся он. — Что ты понимаешь под словом «правда»? Хочешь знать, было ли это на самом деле, слово в слово, точно так, как я рассказал? Не имеет значения. Лучше б спросил, хороша ли эта история, потому что хорошая история и есть правда, случилась она или нет. А паршивая история, пусть бы и случилась в действительности, — ложь. Вопрос не в том, — добавил он с усмешкой, — правдива ли история, а в том, есть ли в ней правда, такая, которая с заглавной буквы «П». И эту загадку способно решить одно лишь время. И все же предупреждаю тебя, Джоэл: не смей становиться тем бараном, какой считает, что, коли умеет он травить байки, стало быть, знает всю их правду. Есть на белом свете байки, которым нужно сперва лет двадцать поболтаться в голове, покуда не раскроют они тебе ту самую, окончательную, скрытую крупицу правды.

Ленни насобирал множество таких крупиц за долгие годы, и они присохли к нему, как крошка к наждаку, что, может, и объясняет его натуру. И все же то его предупреждение всплывает у меня в уме всякий раз, когда б ни произносил я слово «правда».

Засим пора изложить вам мою историю — изложить так, как она, по сути, и произошла, хотя кое-что я все же подправлю, ибо таково наше сказительское дело. И все же, пока вы читаете эту книгу, некоторые повороты в ней покажутся попросту невероятными. Я знаю, так и будет, — они и мне самому в свое время показались

как раз такими. И вот эти-то подробности я выдумать не мог бы и оставил как есть. Говорил же Марк Твен: «Правда необычнее вымысла, но это только потому, что вымысел обязан держаться в границах вероятности; правда же — не обязана»*.

Словом, усаживайтесь поудобнее, и я расскажу вам мою историю о темных временах странствия, в котором я обрел дар, настоящее сокровище. И сокровище это — сама история, которой я теперь делюсь с вами, история о потерянном коне обретенной мудрости, о зарытых кладках и дикой землянике, о царе-оборванце и секрете счастья.

* Эпиграф к главе XV книги «По экватору» (1897), дневника путешествий Марка Твена, пер. Э. Кабалевской. — Здесь и далее примеч. переводчика.

Сбежавшая
• лошадь

Родина истории — Китай

Давным-давно в одной деревне на севере Китая жил-был старик, у которого была превосходная лошадь. И так хороша была та лошадь, что люди издалека приходили поглазеть на нее. Говорили хозяину, какое это благословение — иметь такую лошадь.

— Может, оно и так, — отвечал он, — но даже благословение может быть проклятием.

И вот однажды лошадь убежала. Люди стали сочувствовать старику, говорили, какая его постигла неудача.

— Может, оно и так, — отвечал он, — но даже проклятие может быть благословением.

Пару недель спустя лошадь вернулась. И не одна. Она привела с собой двадцать одну дикую лошадь. По закону края все они стали собственностью старика. Он разбогател лошадьми.

Соседи пришли поздравить его с такой удачей:

— Ты и впрямь благословен!

— Может, оно и так, — отвечал он, — но даже благословение может быть проклятием.

И вот несколько дней спустя единственный сын старика попытался объездить одну из тех диких лошадей. Она сбросила его, и сын сломал ногу. Соседи пришли пособолезновать старику. Проклят он, без сомнения.

— Может, оно и так, — отвечал он, — но даже проклятие может быть благословением.

Через неделю по деревне проехал царь — забирал всех здоровых мужчин на войну против северного народа. То была страшная война. Все, кто ушел из той деревни за царем, погибли. И только сын старика уцелел — из-за сломанной ноги.

До сих пор люди в той деревне говорят: «То, что кажется благословением, может быть проклятием. То, что кажется проклятием, может быть благословением».

Глава I

Сбежавшая лошадь

КАК я вообще стал сказителем — отдельная история, сказ о проклятиях, обратившихся благословениями. Уж во всяком случае я не прирожденный в этом деле умелец, хотя знал многих таких. В одном пабе на южной оконечности Ирландии я слушал настоящего *шанахи*^{*}, он пел древние баллады с такой мощью, что слушателям казалось, будто ему вторят духи ушедших предков. В иудейском квартале в Иерусалиме познакомился с одним хасидским *магидом*^{**}, тот мог проследить свою родословную аж до ребе Нахмана из Брацлава, великого мистического сказителя XVIII века. А однажды, на северном берегу гавайского Оаху, я выступал на одной сцене с хранительницей пятитысячелетнего наследия сказаний ее предков.

^{*} Seanachie (ирл.) — сказитель.

^{**} Магид — «рассказывающий» (проповедник, чаще всего странствующий).

У меня таких регалий нет, и потому при других сказителях я всегда немножко стеснялся. Родился и вырос я вовсе не в волшебном месте — в пригороде пригородов к востоку от Лос-Анджелеса. Там, где жили мои родители, не было ни кинозвезд, ни пляжей — вообще никакой воды в принципе. Более того, в тех местах, насколько мы могли судить, не имелось вообще никакой географии: хоть нам и рассказывали о лиловых горах на севере, их невозможно было разглядеть сквозь смог.

Наша округа называлась Долина Сан-Габриэль — не путать с широко известной Долиной. Наша называлась в народе «Другая Долина» — плоский скучный мир с безнадежно прямыми улицами, ведущими к шоссе во всех направлениях. Эти шоссе вели к другим шоссе, а те, в свою очередь, — к еще каким-то. Насколько я понимал тогда, это и был мир.

Не скажу и того, что вырос в доме, наполненном историями. Если честно, истории требуют времени, а время моих родителей целиком и полностью уходило на то, чтобы удержать наш семейный мир от краха, — жили мы бедно, отцу нездоровилось. Мы принадлежали к низам среднего класса, у отца пошли прахом с десятков начинаний, за какие он брался в попытке удержать нас от дальнейшего падения. Всегда мечтал о лучшей жизни для нашей семьи, и, когда каждый следующий его замысел неизбежно не срабатывал, отец пожимал плечами и отшучивался от потерь какой-нибудь поговоркой.

Думаю, этот его излюбленный краткий разговорный жанр мог бы перерасти в нечто большее, если бы не телефон, прерывавший его очередным звонком. Он бросался отвечать, не желая упустить тот самый важный звонок, который уж наверняка сделает нас богатыми, тот самый, что снимет нашу семью с пособия, — тот самый так и не случившийся звонок.

Мама же историй не рассказывала, а скорее ссылалась на них, когда мы ездили по городу.

— Вы слышали историю о Хелме? Ну о том самом, еврейском городе дураков?

— Нет, не слышали, — отвечали мы с братьями. — Расскажи!

— Хелм... — повторяла она, и в гортанном звуке этого названия сквозила мечтательность. — Вы наверняка о нем слышали. Это в Польше. Там все время идет снег. Замечательные истории!

— Ну расскажи хоть одну!

— Они нам так нравились. Там была одна про то, как хелмцы строили храм, таская бревна на себе вниз с горы. Но из меня плохой рассказчик, — извинялась она. — Ваш дедушка Иззи — вот кто был рассказчик. Мы его часами слушали, бывало.

И она умолкала, а у меня в голове оставался дедушка Иззи, великий рассказчик из далекого Кливленда. Много лет спустя, когда я сам начал рассказывать истории, я взял его имя — Джоэл бен Иззи, что на иврите означает «Джоэл, сын Иззи». Но в те давние времена я и не подо-

зревал обо всем этом. Знал только, что вокруг не хватает чего-то волшебного, один сплошной смог. Мы закрывали все окна в машине, чтобы скрыться от него, и в нашем фургоне воцарялся вакуум, насыщенный нерассказанными историями, пикап продолжал катиться по бескрайним предместьям.

Та самая острая нехватка волшебства и отравила меня на его поиски, и я помню тот день, когда нашел его. Мне исполнилось пять лет. Два моих старших брата были в школе, а я — в супермаркете с мамой. Я видел, до чего она несчастна. Не знал еще, но ей уже сообщили, что моему отцу с его катарактой необходимо опять лечь в больницу на очередную операцию. Хотелось как-то порадовать ее, и я нашел повод — в овощном отделе.

— Мамочка, смотри! — сказал я. — Вон тот баклажан похож на Никсона!

Сходство было и впрямь изумительным — макушка баклажана свисала вниз, как настоящий нос, но куда изумительней было лицо моей матери, озаренное весельем. Как же здорово было рассмешить ее, вытянуть хоть на мгновение из ее несчастий. Всего пара слов — и мрак рассеялся. Я начал собирать шутки и рассказывать их ей в любую подходящую минуту. С отцом тоже срабатывало, и, когда мне удавалось насмешить его, я слышал громкий безудержный смех — смех здорового человека. И тоже начал смеяться, и в такие мгновения мы с ним бывали по-настоящему близки.

Я стал артистом для собственных родителей, создавал кукольные спектакли и комические репризы. Рассказывал анекдоты и разные истории в больнице отцу и каждый вечер перед сном — маме. Она, усталая от дневных забот, приходила ко мне в комнату и усаживалась на край кровати.

— Джоэл, расскажи что-нибудь.

Я понятия не имел, что обрел дело всей жизни. Но точно знал, что обожаю рассказывать истории своей матери. Говорил ей о мире далеко за пределами известного нам, о землях, не укрытых смогом, где бедняки богатели, а больные — выздоравливали. С каждой следующей историей тот мир делался мне все ближе и подлиннее, я видел его отражение в маминых глазах. И знал, что однажды я в этот мир удеру.

Еврейская культура богата на проклятия: «Чтоб ты рос, как лук, — головой в землю, задницей кверху». «Чтоб ты жил, как канделябр, — днем висел, ночью горел». «Чтоб у тебя сгнили и выпали все зубы разом, кроме одного, и чтоб тот болел адски». Но из всех проклятий, какие мне довелось слышать, самое странное, пожалуй, вот это: «Чтоб ты зарабатывал на жизнь тем, что любишь делать». И впрямь оно вовсе не похоже на проклятие — скорее, как название какой-нибудь хорошо продаваемой здесь, в Беркли, книги жанра «помоги себе сам». Но, как ни удивительно, со временем я разгадал эту загадку, проведя долгие годы в по-